

Капустин Петр Владимирович

кандидат архитектуры, доцент,
зав. кафедрой архитектурного проектирования и градостроительства,
ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный архитектурно-строительный университет»,
Воронеж, Россия, e-mail: pekad@rambler.ru

ФУНКЦИЯ И ВЛАСТЬ: ФОРМИРОВАНИЕ ФУНКЦИОНАЛИЗМА В СФЕРЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО

УДК: 72.03:13:005

ББК: 85.11

Рассмотрено происхождение категории "функция" в архитектурном и дизайнерском проектировании в контексте оформления политической действительности, формируемой с Нового времени. Утверждается, что переход от прототипов ремесла к типологическим системам проектировочных профессий связан с политизацией обособляющейся сферы замысла и окружения ее контролирующей заботой власти.

Ключевые слова: функция, власть, прототипы, архитектурная типология, авангард

Введение. Явление "функции"

В наши задачи здесь не входит критика функционализма и даже сколь-либо подробный разбор его особенностей. По этим вопросам уже существует немало значимых и глубоких работ [1–5]. Нам важнее рассмотреть вопрос: почему объективация профессионализирующегося архитектурного проектирования избрала в качестве предмета именно "функцию"? То, что выбор мог быть только предметным и столь же абстрактно обобщающим, не вызывает сомнений: такова была ситуация или эпистема эпохи. Но центральной могла бы стать и конструкция (о которой много было сказано на рубеже XIX–XX вв.), или технология, материал (или уж категория субстанции!) – ведь все эти альтернативы были вполне актуальны, активно обсуждались, даже составили совместно некий компендиум, долгое время претендовавший на роль морального императива профессии. Однако функции досталась центральная роль; можно предположить, что это связано с формированием конструкции знания, претендующей на всеохватный контроль над полем обновляющейся архитектурно-проектной практики, а именно – на скорейший перевод ее из опасного для институтов власти состояния проектного поиска и бурного развития в безопасный производственный режим конструирования и повседневного функционирования (рис. 1).

Перевод этот не сопряжен с той или иной формально-стилистической или даже идейной определенностью. Скорее, он связан с вменением предметной определенности проектно-инновационной вольнице, "возгорание" духа которой явственно ощущалось в наэлектризованной атмосфере начала XX в. Тем более, что многие из институтов власти, заинтересованные в утилизации духа, были ему же и обязаны своим происхождением – им ли не знать о связанных с ним опасностях.

Указанной конструкцией знания, разумеется, является типология объектов проектирования. Для профессии эта конструкция заменила давно утраченные священные прототипы и их

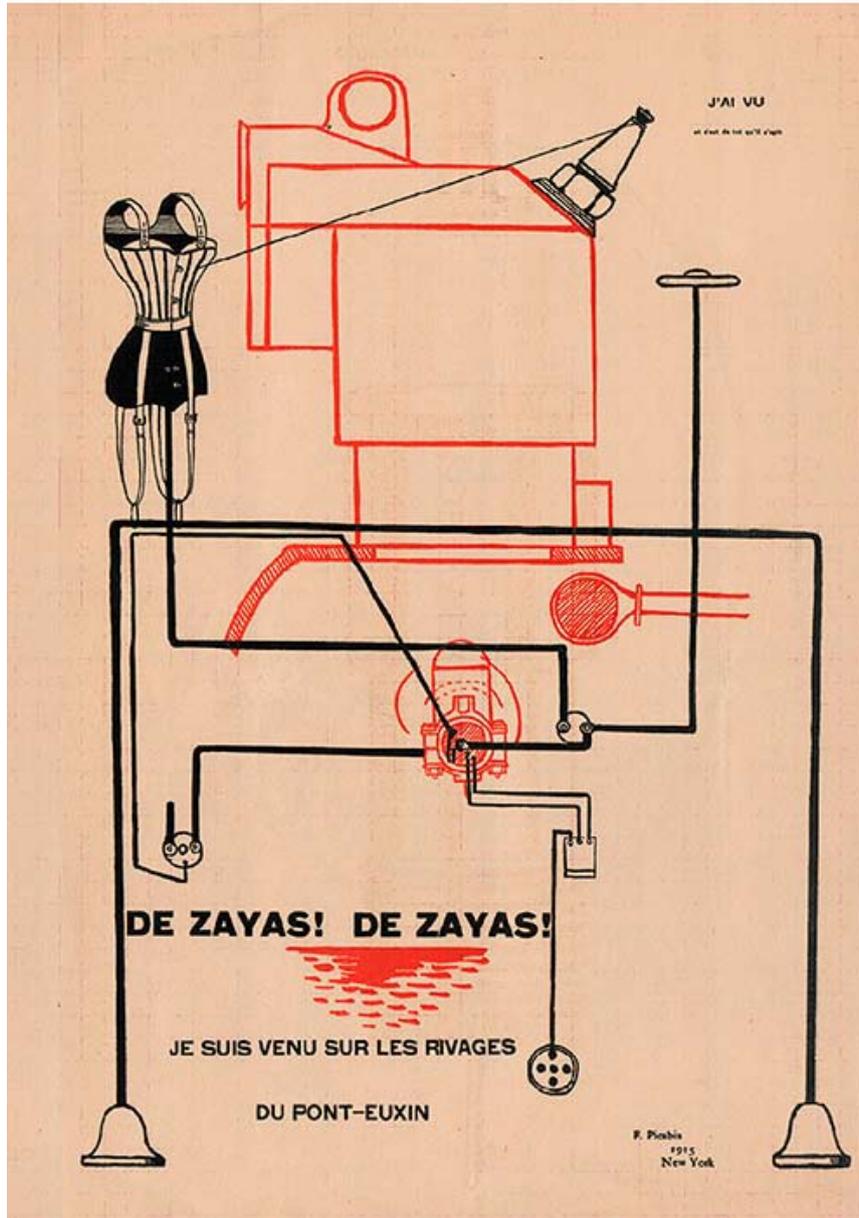

Рис. 1. Франсис Пикабия. "De Zayas! De Zayas!". 1915. Композиции Пикабия конца 1910-х – начала 1920-х гг. полны иронии над технократизмом эпохи с его верой в чертеж, схему, "функцию", названную позднее Бодрийяром одержимой. Между тем, эффекты манипуляции и грядущего "расчеловечивания", связанные с формируемыми в то время практиками проектирования и управления (а это как раз время создания образовательных институтов модернизма), у Пикабия вполне ощутимы. Источник: <http://estanciafemsa.mx>

недавние эклектические инкарнации, при всей их симулякронидной природе казавшиеся такими устойчивыми и такими надежными. Функциональная (а какая же еще) типология сумела подчинить себе всю систему деятельности, включая образовательные институты, содержание образования и даже содержание теоретических и исторических исследований.

Значимость заявленной постановки вопроса определяется необходимостью прояснения взаимоотношений сформированного проектными профессиями комплекса представлений и понятий с властными императивами, характерными для XX столетия. Сегодня предметом обсуждения в профессиональной литературе все чаще становится влияние власти на свободу

архитектурно-проектного или художественного творчества, вопрос стилистического выражения архитектурой властных притязаний, социальные издержки жесткого управления проектно-строительным процессом и судьбы профессиональных объединений в тотально организованном политическом пространстве [4, 6–8]. В формировании набора профессиональных проектировочных представлений XX в. (а "функция", повторим, – центральная среди них) роль власти представляется не менее решающей, хотя и не всегда очевидной. Без прояснения этой роли наши знания о доставшемся нам в наследство проектировании не могут считаться полными. Однако в данном контексте "власть" – это уже не решения политических органов и не прямые указания архитекторам, какого формального алфавита им стоит придерживаться. Власть, формирующая средства профессионального самосознания и дискурса, это вездусущее и сильно поляризованное "поле" легитимных способов выражения, словоупотребления, коммуникации, презентации и репрезентации – все то, что Мишель Фуко именовал диспозитивом власти [9].

Функции и симулякры

Несмотря на древность и многозначность категории функции, собственно ее архитектурно-проектировочное использование началось во второй половине XIX в., а "золотой век" пришелся на первую половину XX столетия, когда, преимущественно в 1920–1930 гг., европейские и советские функционалисты существенно модернизировали ее и придали те смыслы, которые определяют понимание и использование категории и по сей день. Модернизация состояла в абстрагировании от разнообразия контекстов существования архитектурного произведения, которые всегда помнились за ранними теориями, включая и витрувианскую триаду, а также в фокусировке внимания на утилитарном аспекте использования постройки. Тем самым была применена процедура, аналогичная по характеру и результатам процедуре построения (выделения) предмета знания в естественных науках. "Функция" – это "математический маятник" или "идеальный газ" нового архитектурного знания. Она столь же мало соответствует реальным процессам, происходящим в здании, сколько предметы – объектные идеализации науки – соответствуют реальным телам, вещам, процессам. Мало того, что из совокупности архитектурного содержания искусственно "вырезан" и гипертрофирован один-единственный аспект, так он еще и взят в специфически "препарированном" виде – в форме схем и моделей, имеющих вполне узнаваемое естественнонаучное происхождение¹.

В интересе к функции можно видеть попытку архитектурного проектирования работать с процессами, проектировать их. Давление статичных и инертных "объектов" – грядущей типологии, которую следовало построить, – виделось возможным снять посредством динамики. Процессуальное если и не противостоит натуральному, то, по меньшей мере, открывает возможности для его обнаружения, рефлексии и, как следствие, для переформирования мира объектов, для более свободного и деятельностного к ним отношения. Представить объект как процесс – центральный методологический принцип теорий познания XX столетия. Шаг архитектурной мысли в сторону функции поэтому кажется осмысленным и перспективным. Но, увы, только кажется: процессы (функции) брались в виде, во-первых, остановленном и застывшем, т. е. именно в натуралистической объективации, а во-вторых – в форме не самих процессов или функций (морфология которых сразу же обнаружила свою бедность), а в косвенной и превращенной форме конфигураций пространства, потребного для отправления этих функций. С пространством же у архитектурной мысли (в отличие от самой архитектуры как праксиса) отношения весьма отягощенные, она много о нем говорит, но мало что может предъявить. В результате и пространство свелось к описанию и нормированию габаритов помещений и их технологической соподчиненности (об этом ярко пишет, например, М.Г. Меерович [4]). Если и

была попытка работать с процессами, а не с окаменевшими формами (ее искренние выражения можно найти в текстах М.Я. Гинзбурга), то закончилась она полным провалом.

То, что "социальные конденсаторы" Гинзбурга будет нечем наполнять, было понятно уже в ранних апологиях функции. Луис Генри Салливен, возведя глаза горе, вещал: "Приведу примеры: форма дуба сходна с назначением или выражает функцию дуба; форма сосны походит и указывает на функцию сосны; форма лошади обладает сходством и является логическим продуктом функции лошади; форма паука напоминает и ощутимо подтверждает функцию паука. Так же как форма волны выглядит, как функция волны; форма облака говорит нам о функции облака; форма дождя указывает на функцию дождя; форма птицы раскрывает нам функцию птицы; форма орла зримо воплощает функцию орла... форма воды есть функция воды; форма ручья – функция ручья; форма реки – функция реки; форма озера – функция озера; форма тростника – функция тростника..." ("Беседы в детском саду", 1918 [10, с. 46]). И так – на многие страницы текста! Это – фрагмент сочинения довольно позднего, когда "Луис", как пишет он о самом себе, совсем уж параноидально излагает формулу, ставшую идефиксом современной архитектуры и дизайна, но первые её формулировки мало отличались от поздних: "Будь то орел в своем стремительном полете, яблоня в цвету, ломовая лошадь, везущая груз, журчащий ручей, плывущие в небе облака и над всем этим вечное движение солнца, – всюду и всегда форма следует за функцией, таков закон" ("Высотные административные здания, рассматриваемые с художественной точки зрения", 1896 [10, с. 44]).

Что это за "функция" – быть орлом? Водой, ручьем, облаком, тростником (мыслящим?)? Функция функции дуба позволяет ничего не говорить о форме дуба, et cetera. Именно так и будет разворачиваться дальше дискурс модернизма. Именно это и есть новая стадия: натуралистическая идея, камуфлирующая подлинные процессы мышления и деятельности, подлинные цели и ценности, ритмично навязывается восприятию в качестве актуального носителя истины и красоты. Это уже – формула ар-деко. Но это также и рецептура всяческих фабрик грез, за выразительными прелестями которых ощутима властная рука. Усыпляющее бдительность бормотание Салливена было довольно быстро опознано как новое средство манипулирования сознанием. (В самом деле: что определяет форму здания рабочего клуба? "Его социальная функция!", а несогласные с этой туманной "функцией" попутчики могут спрыгнуть с паровоза революции, пока не поздно. Вот и вся теория.) Бессодержательность "функции" никого особенно не смущала; она, как и знаки, лишённые Просвещением значений, как и политические лозунги, свободные от исполнения, рассматривалась сугубо операционально как средство манипулятивного управления.

Инструментальное "снятие" ремесла

По Аристотелю, форма, сущая как эйдос, существует, дана ремесленнику в средствальных фигурах его прикладного мышления и технологизированного (в данном случае – устойчиво воспроизводимого) умения [11]. Этим достигается как качество, так и подлинность вещей. И дело не в прагматизме ремесленного труда, а во всеобщем эстетическом законе. Говорить о "функции" как о самостоятельной категории здесь, разумеется, рано, поскольку в мире традиционного производства и социального обращения вещей властвует очевидное и несомненное для всех представление об их полезности. Полезность – ценностное качество вещи, кроме того, оно неотрывно от самой вещи и не может обсуждаться как абстракция запроса, удовлетворение которого возможно каким-то иным способом, минуя вещь. В то время как функция – именно такая абстракция, индифферентная к ценностному плану и назначаемая как задача, в отношении которой открыты способы ее решения.

Видимо, широкое распространение и столь важная роль "функции" обязаны тому функциональному месту, которое заняла эта категория в обновленной структуре деятельности – место, ранее принадлежавшее самой сердцевине и самому имени прототипа. Ведь "функция" в прототипах априорна, она, т. е. назначение здания, не является предметом обсуждений, она органично входит в структуру прототипа, составляет самую суть его. Можно сказать, что "функция" – точнее то функциональное место в структуре прототипической деятельности, которое заняла позже эта категория, – было сакральным, заданным свыше – если не божественными силами, то традицией и авторитетом предков. В функционировании прототипа его назначение – основное, решающее, конституирующее начало. Разумеется, здесь нет еще обособления категории, нет предметного понимания, нет типологических и иных схематизаций назначения здания. Но когда все это появляется, уже нет и сакральных прототипов, а на их место приходит типология, и в ее структуре сохраняется ключевое место, теперь фиксируемое категорией "функция". Свято место пусто не бывает. Вероятно, поэтому категория оказалась столь непомерно семантически нагруженной: приписываемые ей роли явно превосходят онтологические и инструментальные возможности этого, в общем-то, слабенького конструкта.

Корни функционализма можно видеть в новоевропейском утилитаризме, подготовившем почву для дальнейших предметных идеализаций и даже давшем в проекте Паноптикона Иеремии Бентама (1748–1832) прототип архитектурного воплощения "дисциплинарных пространств" – грезы тотального контроля, позволяющего вычлнить исполняемую функцию и обеспечить ее монополию [12, с. 285–334]. Основная сложность в понимании смысла и характера категории функции сегодня – сложность различения ее с феноменами и ноуменами, выглядящими родственными ей.

Функция может показаться синонимичной назначению ("на – значению") – назначенному, данному ("На!") кем-то свыше значению. В прототипической деятельности это данное свыше значение, совпадающее "без зазора", как сказал бы М. Фуко, с назначением здания, составляет самую суть мировоззренческой, онтологической укорененности здания, его формы, его идеи. Но поименование прототипа есть произнесение Имени, а тем самым символическая, эйдетическая, магическая операция². Ею вещи сообщается существование и подтверждается ее право иметь значение. На-значение – это, собственно, не акт, не одномоментная процедура, но посвящение, длящееся перманентно – в соответствии с феноменологией Имени. В этом-то длении и состоит различие между назначением и функцией: назначение проявляет себя, разворачивается в ситуациях обращения вещей в традиции или культуре, в социальности, во множестве контекстов. Длительность эта имеет корни в самой природе прототипа и не отрывается от них, т. е. она ризоматична. Назначением отмечается избранность, оно индивидуализировано и персоналистично. Говорить о "функции" в ремесле не имеет смысла, поскольку в нем живет символическое. С закатом символического потому и становится возможно и едва ли не необходимо формирование новых типологий, что традиционная типика и прото-типика утрачивает связующую силу, ту простую и очевидную универсальность, которая веками сохраняла целостность опыта. Корневища традиционных синкретических значений отсыхают, на смену им приходит специфический препарат предметно организованного знания.

М. Фуко в "Словах и вещах" [9] отмечал упадок интереса к значению в текстах Просвещения и во всей культуре, вырастающей из них, в том числе и в архитектуре. Сейчас мы можем сказать, что значение также вытеснено функцией, представляющей собою "поставочный" вариант назначения. Значение, данное в форме функционального предписания, становится сублимацией утраченного семантического слоя форм и "объектов".

Нетрудно видеть, что обособляющаяся категория функции претендует на традиционные свойства символа вместе с коннотациями назначенности свыше, но теперь это не божественное откровение, а бюрократическое указание. Будучи проводником, инструментом такого указания, "функция" репрезентирует в пространстве социального обращения новых проектных решений авторитет и самую позицию власти.

Ремесло и приватность политического. Политизация сферы замысла

Ханна Арендт в "Vita Activa" подчеркивает публичность ремесленного труда и ремесленного мышления (четко разделенного у греков с публичным политическим мышлением – на агоре). В отличие от агоры, презентация труда ремесленника (не только продуктов, но и замысла) происходит на рынке обмена: "Типичным для этих базаров, как позднее для средневековых ремесленных и торговых кварталов, было то, что выставление напоказ предназначенных для продажи товаров сопровождалось демонстрацией и их производства тоже... Защищенность частной жизни, с такой энергией отстаивавшаяся Новым временем на его начальных стадиях как верховное право каждого члена общества, была в конечном счете гарантией обособленности, без которой создающая деятельность в собственном смысле никогда не может состояться. Не зритель, не жадная до зрелищ толпа публичных рынков, извлекавшая ремесленника в его изоляции на свет публичности, а возникновение социума, члены которого уже не удовлетворялись взглядом, суждением и восхищением, но требовали взломать обособленность ремесленника, чтобы на равных правах участвовать в процессе создания, начало угрожать "великолепной изоляции" мастеровых и в конце концов нивелировало сознание качества в социуме вплоть до утраты способности различения. Изоляция от мира сограждан, спокойная жизнь наедине с "идеями", т.е. с внутренним образом изготавливаемого предмета, есть неперемное условие мастерства. Это мастерство – не господство, оно овладевает не людьми, а материалом, орудиями и предметами, оно принципиально неполитично" [13, с. 206–207].

Выскажем предположение: не пресловутое разделение труда (его дальше обсуждает Х. Арендт), а именно политизация сферы замысла открыла дорогу превращению традиционных ремесел в проектировочные профессии. Замысел насыщается утопическими коннотациями, намного превосходит непритязательную утилитарность ремесленного воплощения прототипа. А утопическое, как и проектное, – замысел о мире [14–17]. Эта утрата политической невинности переводит безобидные потребительские качества продукции ремесленника в ранг потенциально регулируемых качеств идеологического пространства.

Политическое, следуя мысли Х. Арендт, возникает как артификация структур повседневности, как возмущение спокойствия оестественного существования и приватности ремесленного замысла. И это политическое, назначая параметры дальнейшего существования всему сдвинутому им, не может оставаться безучастно к проблематике власти. Оно или само проявляет властные устремления (а назначение параметров существования – уже властное действие де-факто), или тяготеет к власти иной, ищет для себя высокое покровительство, ссылаясь на которое можно оправдать волюнтаризм назначения. А именно назначение функций – это, видимо, и есть высший вид властного произвола (повторим: он немислим в зоне ремесла и традиции, где "функции" созначны значению и даны априорно и Свыше, где они интегрированы в самую сущность вещи как ее несомненная и очевидная полезность).

Сопоставление Ханной Арендт устремлений Нового времени и античности становится формулой у М. Фуко в его анализе высказывания Канта ("Что такое Просвещение?" [18]): политическое становится доступно в замысле и поступке, но замысле и поступке не публичном, а част-

ном. Функция же становится таким политическим содержанием частного сознания, которое индивидуализирующей мыслью не только отрывается от всяческой полезности, теряя черты экзистенциального качества, но и взбрасывается в публичное пространство уже без каких бы то ни было явных политических или властных намеков, обретая при этом видимость типологических характеристик чего-то сообразного всей порождающей ее системы абстракций, т. е. обретая самодостаточность, которая и получает имя функциональной типологии.

Вечное возвращение образца

У Хайдеггера в "Бытии и времени" есть такое место: «"Описание" ближайшего окружающего мира, напр. рабочего мира ремесленника, выявило, что вместе с находящимся в работе средством "совстречны" другие, для кого назначено "изделие". В способе бытия этого подручного, т.е. в его имени-дела лежит по сути указание на возможных носителей, кому оно должно быть "по плечу". Равным образом встречен в примененном материале его изготовитель или "поставщик" как тот, кто хорошо или плохо "обслуживает"» [19, с.117]. Хайдеггер не только напоминает о привходящих условиях возникновения вещи, которые выделял уже Аристотель, но и указывает на "соприсутствие других", т. е. на трудность изолирования описания акта, каким бы простым он ни казался, на социально-культурную детерминированность повседневных действий (а действие ремесленника – повседневное событие).

Действие традиционного ремесленника – не столько в историческом диапазоне, разумеется, сколько в типологическом – напротив, полностью интегрировано в социальный и деятельностный контекст, с трудом поддается обособлению. Организующим ядром такой интеграции служили образец и прототип. Вероятно, романтическое стремление вырвать акт творчества из структур повседневности неслучайно было столь нетерпимо к образцу (см., например, резкие высказывания Г. Маркузе о мимезисе, как и многие тексты модернистов – архитекторов, художников, поэтов); и эта нетерпимость прошла мимо главного, близоруко не заметив как фундаментальную универсальность функций образца (так и не достигнутой, не компенсированной ничем в структуре проектной инноватики), так и его заманчивых краев, намекающих на какую-то, так и оставшуюся нам по большей мере незнакомой, возможность отправления творчества. Если первое обеспечивало надежность решений ремесленника, его свободное от риска функционирование и производство, то второе – интуиция столь же свободного от риска творческого и развивающего действия. Эта возможная альтернатива рационалистическому проектированию, однако, канула в Лету вместе со схоластической традицией, где она хоть как-то обсуждалась. Новое время – и новоевропейская наука в особенности – прервали эту традицию, заместив ее более "простой" логикой модельной тождественности.

Нарождающемуся миру индустриализма необходим каталогизаторский шкаф с апробированными образцами и типами. Были ли альтернативы? Ведь еще ар-нуво замыкал контур обновленной архитектуры и юного, еще не вполне осознающего себя проектирования не на "социальном производстве", а на чем-то ином, что непросто назвать: роскошь? достоинство? самоуважение? Прототипы ар-нуво также потеснил, хотя и не избавился от них, конечно. Ар-нуво не стремился к типологизации, как к ней стремились те, кто разделял производственные установки – в кельнской дискуссии Анри Ван де Вельде и Германа Мутезиуса 1914 г. это выражено в полной мере (см., в частности, [20, с. 62-65]). Путь новых проектировочных профессий (индустриального дизайна и архитектуры "Современного движения") был определен буквально на этой дискуссии.

У Х. Арендт есть пассаж о трудовых песнях, задающих ритм, резонирующий с тактом работы машин и механизмов [13, с. 187–188] – мотивы ар-деко уже явственно слышны, в том числе и в датах текстов, на которые она ссылается. И какие бы шансы имела функция, эта абстракция структурированной утилитарности, стать конвенцией, если бы не ее ритмическое внедрение, повсеместное (тотальное) вменение! Эти "песни труда и ритма" отныне вынуждена петь каждая "функция" (в рабочее и нерабочее время – подчеркивает Х. Арендт), если желает оставаться автономной, но интегрированной, сохранять идентичность, но не обретать яркого лица (что поставило бы неудобный вопрос об исторической устойчивости), удерживать от распада свою аудиторию, но не вербовать адептов (адепты опасны возможностью разочарования и провозгласения фундированной критики). Все перечисленное есть также и атрибуты всепроникающей власти. Ар-деко стал латунным цветком, пробужденным к жизни, выкованным этими ритмами, новой квазисимволической сверткой властных соков, не находящих себе проявления в сухостое конструктивизма – тем "конструктивным орнаментом", который пытались прорастить сквозь быстро схватывающийся бетон новых заводов и фабрик Анри Ван де Вельде и Генри Салливен.

Надежды и разочарования функционализма

Прототип, осуществляясь в вещи, становясь вещным, оставался вечным. С созданием вещи путь его воплощения заканчивался, начиналась стезя социальной или социально-культурной жизни. Функциональный тип никогда не воплощается в вещах, он не знает инкарнаций и лишен как энтелехии, так и евхаристии; он и не вечен, хотя стремится выглядеть солидно, собирает свои фальшивые родословные в трудах ученых-типологетиков. С возведением здания (или с выпуском изделия) статут существования функционального типа в мире несколько не меняется, но с завершением цикла проектно-строительных работ, в которых еще принято использовать категорию "функция", он умирает здесь и теперь. В жизни, включая эксплуатацию здания, получают место совсем иные процессы, среди которых абстракции "функция" делать нечего. Впрочем, с ней, по большому счету, нечего делать и в проектно-сметной деятельности, тем более – в полноценном проектировании.

Функциональный тип воплощается не в вещах или зданиях, а в документах и знаниях, в представлениях и способах работы – в "третьем мире" функционально-типологического конструирования. Для поддержания существования его, "третьего мира" (разумеется, мы имеем в виду не геополитическую, а попперовскую онтологию [21]), функция и функциональный тип только и существуют, только в этом мире они и живут. И это – мир постава (Gestell М. Хайдеггера [22]), поскольку он есть не что иное, как способ постановки мира на козлы непрекращающихся циклов производства, не имеющих онтологического смысла, не получающих значения, движущихся для питания собственных иллюзорных самооправданий.

Функция – вещь одноразовая, предзаданная, неспособная к развитию, вещь в себе; она предельно профанна и утилитарна, пространства ее развертывания совпадают с отведенными ей узувальными емкостями, с отмеренными типологией локусами ее наличия. Но наличие почти не имеет шансов состояться, поскольку существование "функции" не задается ничем, это фигура умолчания. Прототип жил в имени, именем вызывался, он был конвенцией; функция же использует фиктивные и заимствованные имена и делает вид, что ее природа также конвенциональна – отсюда и игра в умолчание. Конвенции или принадлежат чуду, или же являются общим местом обыденного сознания, речевым штампом. Для того чтобы стать полновесной конвенцией, функции приходится не только идти на жульничество и подлог, но пользоваться сомнительными услугами особого реализаторского сервиса – так называемого "типового про-

ектирования" и всей вообще машины деятельности, имеющей дело с той совокупностью специфических знаний и представлений, в которых инструментально воплощена фикция функции и где она единственно имеет власть (к их числу относятся так называемые функционально-типологические схемы). Ведь власть (власть функций) распространяется не непосредственно (ибо у "функций" нет никакой непрерывности, никакого дления, как нет и очевидности³), не через пространство (ибо здесь оно скудно), но через работу этой машины, благодаря ей. Поэтому власть функций была так озабочена сохранением и воспроизводством ее как именно безликой, анонимной и массовой.

Действие машины проектировочной деятельности – один из наиболее совершенных примеров рассеянного действия власти, которое столь изящно разоблачал Мишель Фуко. Для рассеяния требуется обеспечение единства во многом и различном. В решении задач такого обеспечения функциональные типы не имеют себе равных. Если прототипы – хотя они и составляли известную совокупность различного – сохраняли свою самотождественность и обособленность, то функциональные типы могут существовать (если это считать существованием) только колонией, только рядом друг с другом и за счет друг друга (как, впрочем, и любые другие типы вообще). Восстановление сколь-либо разумного представления о действительности, обозначенной той или иной "функцией" или функциональным типом, требует принятия к рассмотрению всего деятельностного и эпистемического контекста, в котором эта функция, этот тип растворен. Если прототип "упаковывал" в себе все контексты – от воспроизводства и производства до социального функционирования, понимания и значения, то функциональный тип, напротив, требует постоянного восстановления контекстов – восстановления, которое практически недостижимо, что и обрекает функцию быть фигурой умолчания *par excellence*. Но такое умолчание потихоньку убивает проектность, поскольку проектирование – область сказанного, осмысленного и сознательно сделанного, а умолчания открывают дорогу штампам и стереотипам. Функциональный тип предполагает восстановление контекстов, но вместе с этим, не достигая никогда такого восстановления, навязывает стереотипы и паттерны потребления – в этом и состоит его лукавство, проникшее уже во все поры социальной жизни.

Функционализм 1920–1930-х стремился быть современным своей динамичной эпохе, быть остро актуальным, а значит и открытым к изменениям. Пионеры европейского и отечественного функционализма еще сохраняли авангардистский вкус к переменам, они мыслили свои постройки сугубо временными, легко сносимыми и заменяемыми на новые, более актуальные. Но рожденный их усилиями функционализм возвел псевдокатегорию "функция" в ранг вечных и нетленных устоев, в ранг "природы вещей": сама структура ее, отраженная в структурно-функциональных схемах, способы обращения с ней, получившие форму методических предписаний, не предполагают иного понимания, кроме как признания "функции" достоверной последней инстанцией, напрямую связанной с человеческими потребностями⁴. Андреа Бранци остроумно высмеял этот миф: «Мы имеем никем не доказанную гипотезу о существовании некоего набора "естественных потребностей", которые следует учитывать при проектировании. Однако, на мой взгляд, это в высшей степени парадоксальная и абстрактная гипотеза... Более того, это самое древнее из воображаемых пространств» [23, с. 21]. "Древнее" в данном контексте – не признание укорененности "потребностей", но сарказм против притязаний "гипотезы". Натуралистическое представление о том, что существуют некие "вечные" потребности человека, обслуживанием которых только и занимается архитектура, ремесленное производство и дизайн – вовсе не наивное суждение здравого смысла, но основа наиболее жестких, циничных и антигуманных проектных стратегий.

"Функция" хотела бы оставить за собой и сегодня ореол прагматичности и полезности; она согласилась бы с упреками в утилитаризме, но не спешит уходить (в сознании людей, разумеется) с позиций чего-то весомого, надежного и серьезного. Но это иллюзии. Иллюзорность категории "функция" в современном дизайне и архитектуре в достаточной мере продемонстрирована в 60–70-х гг. прошлого века трудами французских постструктуралистов Р. Барта и Ж. Бодрийяра. Так, Бодрийяр выделял субъективную функциональность или обсессивное – случай, когда "функция настолько узка, что превращается в условный предлог" [24, с. 95]. Если помнить о том, что центральным стремлением типологии объектов проектирования в архитектуре, дизайне и градостроительстве всего XX в. было именно максимально доступное сужение принятых во внимание "функций", их изоляция и автономное обслуживание, то вся история функционализма, включая и нынешние потуги пользоваться функциональными типологиями и категориями – не более чем история обсессивности или история болезни – неспецифической, но, видимо, инфекционной.

Заключение. Закат "функции" и новые интересы власти

Если авангард конца XIX в. возбуждался "композицией", видя за ней иные миры возможностей духа, то "инженеров человеческих душ" из госучреждений победившего модернизма привлекала "функция" – очевидно, ее способностью держать под наркозом воображение и совесть. Провхват ремесла властью предполагал трансформацию сакральных прототипов и их символических форм в редукционистские инструменты рационального проектирования и планирования; одной из таких – и едва ли не центральной – предметных инструментально-средствальных категорий и стала "функция". Нельзя сказать, что инструмент был особенно эффективен или даже реалистичен – нет. Он брал другим – широтой применения и нудной повторяемостью (функциональные типы зданий и сооружений – идеальное воплощение того, что Ж. Бодрийяр назвал "тавтологией власти"), нормативно закрепленной и уже начавшей едва ли не воздействовать на мировосприятие – еще немного, и появились бы, кажется, архитекторы, способные воочию лицезреть функции, как появились же свидетели гравитационных волн. "Функция" претендует на денотативность, манифестирует ее как бы гордо и как бы обнаженно, но на поверку – это все самообман или позёрство, в любом случае – попытка скрыть сокровенное: зияние на месте метода и на месте действенной, креативной онтологии. Утратив онтологические денотаты (или никогда не имел их), функция взрывообразно развернула горизонты довольно мутных коннотаций, пропитав ими едва ли всю обновляемую социально-производственную практику и стала – в этом специфическом смысле – достаточно действенным инструментом власти-проектирующей-вещами⁵ [5, 24, 25]. Однако самый диапазон властных полномочий новых технократий и бюрократий неуклонно вел к девальвации широко, чрезмерно широко, используемого термина (впрочем, так и не ставшего полноценным понятием) и, тем более, к деградации его социальных и культурных смыслов. "Функция" давно утратила фасцинирующую привлекательность; после Бодрийяра она утратила всякую инструментальность, сегодня – всякий смысл вообще. Власть откатилась от этой опустошенной конструкции, все больше наполняя на иное: на "образ жизни" и "среду обитания", на "идентичность", образ и брендинг мест, на стиль, наконец. Власть сегодня больше интересуется образами и мифопоэтикой, нежели "функциями", "процессами" или "системами"; за реальностью или историей она приучена стараниями культурологов "...обнаруживать текст, имеющий мифологическое ядро, или – что предпочтительней – мифические паттерны" [26, с. 184]. (Впрочем, вспомним: нечто похожее уже было и в 1930-е, в самый расцвет функционализма; да и сама "функция" в конце концов стала не чем иным, как одним из мифологических шаблонов, хотя и "плоским") Но эта смена позволяет, по крайней мере, использовать оказию: переосмыслить само проектирование, освободив его от предвзятой и исторически случайной конфигурации, в которой фикции "рацио-

нального разума" вроде "функции" так долго выдавали себя за концептуальные и этические устои.

¹ Б.В. Сазонов, подробно анализируя "функциональный метод", пришел к внешне парадоксальному, но закономерному выводу: абстрагирование одного аспекта или процесса (а это, напомним, стандартный прием построения естественнонаучного знания) ведет к консервации целого. "Функция" оказывается вовсе не ключом к преобразованию мира вещей, но залогом воспроизведения существующего, ведь она рассматривается как нечто данное, не подлежащее сомнению, а лишь назначенное к правильному "выражению". Некритическое принятие "...существующих морфологических единиц деятельности и социальное изобретательство сводилось в конце концов к консервации и рутинизации уже сложившейся деятельности", – пишет Б.В. Сазонов в "классической" работе [27, с. 245].

² Феноменология Имени – область знания, которой одной хватило бы для полной дискредитации любого функционализма – архитектурного, дизайнерского, социального. См. работы раннего А.Ф. Лосева [28].

³ Заметим: функция изолирует и доводит до предела один из смыслов назначения, а именно его конечную нацеленность (destination). Стоит ли удивляться тому, что сформировавшееся под сенью функционализма проектирование приобрело неприятнейшее качество, от которого все никак не может избавиться – финализм – отнесенность к конечному состоянию на определенный момент времени в будущем.

⁴ Жан Бодрийяр в "К критике политической экономии знака" пишет: "Формулу Баухауза вкратце можно обозначить так: для каждой формы и каждого предмета имеется некое объективное определенное означаемое – функция. В лингвистике такой уровень называют уровнем денотации. Баухауз собирается всегда строго выделять именно это ядро, уровень денотации, поскольку все остальное – ... ад коннотации" [5, с. 279]. Но "миф первичных потребностей" оказался антропологически наивен, денотат – фиктивен, а коннотаций избежать не удалось.

⁵ Проектирующей вещами, но не вещи. Власть нет необходимости опускаться до проектирования вещей (и, по сути, их не проектирует уже никто!). Соединение приватной производственной традиции ремесла, отнюдь не претендующей на преобразование мира, и утопических коннотаций, как раз на это именно и претендующих, порождает проектирование, что требует новой формы организации созидательной деятельности [14–17, 29]. Жизнестроительный пафос авангарда и раннего модернизма ведь никак нельзя свести к утилитаризму, а идеологию проектирования – лишь к новому способу производства вещей. Не новый же стул хотели спроектировать Г. Ритвельд или В. Татлин, но этим вот новым стулом... изменить мир! Вещи и здания – не "объекты" проектирования (они объекты конструирования, и очень быстро в таковом именно качестве опознаются и оформляются) – они лишь средство и повод перепроектировать мир, канал доступа к изменениям мира (архитектура именно в этом качестве и была ценна для проектной идеологии, см. об этом, в частности, [30]). Можно сколько угодно отрицать сегодня действенность такой идеологии, но ведь она дала начальный импульс проектным профессиям, а потому выглядела в глазах "пионеров" совершенно реалистичной. Но вместе с тем возникает вопрос: кому будет принадлежать эта новая преобразующая сила? Кто будет контролировать ее? Оставлять ее за художниками и архитекторами опасно, но и без них уже не обойдешься. Следовательно, требуется одновременно купирование креативистских энергий молодой проектности, и приватизация истинной мироформирующей силы, которая, как мы стремились показать, имеет происхождение в феноменологии имени и назначения именем вещи параметров жизни, некогда бывших сакральными. Эту задачу и выполнила категория "функция". Архитекторы и дизайнеры конструируют свои вещи (и здания как вещи – дизайнерский подход становится универсальным), но распределенная власть проектирует посредством этой выморочной "практики" свой новый бравый мир – проектирует вещами. Как и что при этом получается – см. тексты Ж. Бодрийяра, Р. Барта, П. Вирильо и многих других критиков функционализма и модернизма в целом. При этом для самой проектно-художественной культуры происходящее отнюдь не было секретом: "Сюрреалистический предмет рождается в ту же эпоху, что и функциональный, как насмешка над ним и выход за его пределы... Следовательно, сюрреализм также рождается a contrario (от противного – П.К.), из пришествия предмета и из распространения семантического функционального исчисления на все поле повседневности. В этом отношении сюрреализм и Баухауз неразделимы; и критический, аномальный, монструозный дискурс предметов также неотделим от рационального дискурса", – утверждает Ж. Бодрийяр [5, с. 274–275]. Другое дело, что и власть скоро научилась обращать в свою пользу всякие насмешки и трансгрессии, в том числе и сюрреалистические: "... впрочем этот подрывной дискурс, – продолжает Бодрийяр, – постепенно проникает в нравы и присоединяется к функциональному универсуму в качестве аномальной переменной: в своей банальной версии он сегодня в гомеопатических дозах вкраплен во все наше окружение" [5, с. 275].

Библиография

1. Лежава, И. Г. Функция и структура формы в архитектуре: автореф. дис. ... д-ра архитектуры / И.Г. Лежава. – М.: МАрХИ, 1987. – 52 с.
2. Лебедева, Г.С. Функция в контексте культуры и архитектурной теории / Г.С. Лебедева // Academia. Архитектура и строительство. – 2008. – № 2. – С. 20 – 23.

3. Янковская, Ю.С. Архитектурный объект: образ и морфология : Автореф. дис. ... д-ра архитектуры / Ю.С. Янковская. – М.: МАрХИ, 2006. – 56 с.
4. Меерович, М.Г. Биография профессии. 32 год и другие / М.Г. Меерович // Кентавр. – 1992. – № 1.
5. Бодрийяр, Ж. К критике политической экономии знака / Ж. Бодрийяр. – М.: Академический Проект, 2007. – 335 с.
6. Архитектура сталинской эпохи: Опыт исторического осмысления / Сост. и отв. ред. Ю.Л. Косенкова. – М.: КомКнига, 2010. – 496 с.
7. Меерович, М.Г. Наказание жилищем: Жилищная политика в СССР как средство управления людьми. 1917–1937 / М.Г. Меерович. – М.: РОССПЭН, 2008. – 303 с.
8. Меерович, М.Г. Союз советских архитекторов СССР. Предыстория создания и начальный период существования [Электронный ресурс] / М.Г. Меерович // Архитектон: известия вузов. – 2017.– №2(58). – URL: http://archvuz.ru/2017_2/8
9. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – СПб.: А-сad, 1994. – 406 с.
10. Салливен, Л. Избранные фрагменты статей / Л. Салливен // Мастера архитектуры об архитектуре. – М.: Искусство, 1972. – С. 44– 46.
11. Аристотель. Метафизика // Аристотель. Сочинения в 4-х т. – М.: Мысль, 1976. – Т.1. – С. 200– 202.
12. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко.– М.: Ad Marginem, 1999. – 478 с.
13. Арендт, Х. Vita Activa, или О деятельной жизни / Х. Арендт. – СПб: Алетейя, 2000. – 437 с.
14. Капустин, П.В. Утопия в эволюции архитектурного проектирования. Часть I. "Кризис идеального" [Электронный ресурс] / П.В. Капустин // Архитектон: известия вузов. – 2011. – №4(36). – URL: http://archvuz.ru/2011_4/1
15. Капустин, П.В. Утопия в эволюции архитектурного проектирования. Часть II. "Приманки живописи" [Электронный ресурс] / П.В. Капустин // Архитектон: известия вузов. – 2011. – №4(36). – URL: http://archvuz.ru/2011_4/2
16. Капустин, П.В. Утопия в эволюции архитектурного проектирования. Часть III. "Изображая утопию" [Электронный ресурс] / П.В. Капустин // Архитектон: известия вузов. – 2012. – №1(37). – URL: http://archvuz.ru/2012_1/1
17. Капустин, П.В. Утопия в эволюции архитектурного проектирования. Часть IV. Складки утопизма [Электронный ресурс] / П.В. Капустин // Архитектон: известия вузов. – 2012. – №1(37). – URL: http://archvuz.ru/2012_1/2
18. Фуко, М. Что такое Просвещение/ М. Фуко // Вопросы методологии. – 1996. – № 1 – 2. – С. 54.
19. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – СПб: Наука, 2002. – 451 с.
20. Капустин, П.В. История дизайна в документах: тексты, дискуссии, мнения: хрестоматия: в 3 ч. Ч.1. / П.В. Капустин. – Воронеж: ВГАСУ, 2010. – 186 с.
21. Поппер, К.Р. Логика и рост научного знания / К.Р. Поппер. – М.: Прогресс, 1983. – 470 с.
22. Хайдеггер, М. Вопрос о технике / М. Хайдеггер // Хайдеггер, М. Время и бытие. М.: Республика, 1993. – С. 221–238.
23. Бранци, А. Вещи и дома / А. Бранци // Domus.– 1989. –№ 2. – С. 17– 24.
24. Бодрийяр, Ж. Система вещей / Ж. Бодрийяр. – М.: Рудомино, 1995.– 173 с.
25. Барт, Р. Мифологии / Р. Барт. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000. –320 с.
26. Durand, G. Introduction à la mythodologie. Mythes et sociétés / G. Durand. – Paris: Albin Michel, 1996. – 245 p.

27. Сазонов, Б.В. Методологические проблемы в развитии теории и методики градостроительного проектирования / Б.В. Сазонов // Разработка и внедрение автоматизированных систем в проектировании (теория и методология). – М.: Стройиздат, 1974. – С. 212 – 298.
28. Лосев, А.Ф. Философия имени / А.Ф. Лосев. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 269 с.
29. Глазычев, В.Л. Эволюция творчества в архитектуре / В.Л. Глазычев. – М.: Стройиздат, 1986. – 496 с.
30. Капустин, П.В. Тезис о "леонидовщине" и проблема реальности в архитектуре и проектировании (Часть I). [Электронный ресурс] / П.В. Капустин // Архитектон: известия вузов. – 2007. – № 20. – URL: http://archvuz.ru/2007_4/8

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция — На тех же условиях») 4.0 Всемирная.

Статья поступила в редакцию 14.08.2017

Капустин Pyotr V.

PhD (Architecture), Associate Professor,
Head of Chair of Architectural Design and Urban Planning,
Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering,
Voronezh, Russia

FUNCTION AND POWER: FORMATION OF FUNCTIONALISM IN THE POLITICAL SPHERE

The article considers the origin of the category «function» in architecture and design in the context of political developments since the modern age. The author argues that the transition from crafts prototypes to typological systems of the design professions is associated with the politicization of the domain of the conceptual and its surrounding with the supervising care of the authorities.

Key words: *function, authorities, prototypes, architectural typology, avant-garde*

References

1. Lezhava, I.G. (1987) The Function and Structure of Form in Architecture. Abstract of the Doctor of Architecture dissertation. Moscow: MARHI. (in Russian).
2. Lebedeva, G.S. (2008) Function in the Context of Culture and Architectural Theory. In: Academia. Architecture and Construction, No. 2. p. 20 - 23. (In Russian).
3. Yankovskaya, Yu.S. (2006) Architectural Object: Image and Morphology. Abstract of the Doctor of Architecture dissertation. Moscow: MARHI. (in Russian).
4. Meerovich, M.G. (1992) Biography of the Profession. Year 32 and others. Centaur, No. 1. (in Russian).
5. Baudrillard, J. (2007) For a Critique of the Political Economy of the Sign. Moscow: Academic Project. (in Russian).
6. Kosenkov, Yu. L. (ed.) (2010) The Architecture of the Stalin Era: an experience in historical reflection. Moscow: KomKniga. (in Russian).

7. Meerovich, M.G. (2008) Punishment by Dwelling: Housing policy in the USSR as a means of managing people. 1917-1937. Moscow: ROSSPEN. (in Russian).
8. Meerovich, M.G. (2017) Union of Soviet Architects of the USSR. History of Creation and the Initial Period [Online] Architecton: Proceedings of Higher Education, No. 2 (58). Available from: http://archvuz.ru/2017_2/8 (In Russian).
9. Foucault, M. (1994) Words and Things. Archeology of the Humanities. Saint-Petersburg: A-cad. (In Russian).
10. Sullivan, L. (1972) Selected fragments of articles. In: Masters of Architecture on Architecture. Moscow: Iskusstvo, p. 44 – 46. (In Russian).
11. Aristotle. (1976) Metaphysics. Works in 4 volumes. Moscow: Mysl. V.1, p. 200 - 202 (in Russian).
12. Foucault, M. (1999) Discipline and Punish. Birth of the Prison. Moscow: Ad Marginem. (in Russian).
13. Arendt, H. (2000) Vita Activa, or on Active Life. Saint-Petersburg: Aleteya. (in Russian).
14. Kapustin, P.V. (2011) Utopia in the Evolution of Architectural Designing. Part I. «Crisis of the Ideal» [Online] Architecton: Proceedings of Higher Education, No. 36. Available from: http://archvuz.ru/2011_4/1 (in Russian).
15. Kapustin, P.V. (2011) Utopia in the Evolution of Architectural Designing. Part II. «The Baits of Painting» [Online] Architecton: Proceedings of Higher Education, No. 36. Available from: http://archvuz.ru/2011_4/2 (in Russian).
16. Kapustin, P.V. (2012) Utopia in the Evolution of Architectural Designing. Part III. Depicting Utopia [Online] Architecton: Proceedings of Higher Education, No. 37. Available from: http://archvuz.ru/2012_1/1 (In Russian).
17. Kapustin, P.V. (2012) Utopia in the Evolution of Architectural Designing. Part IV. Folds of Utopianism [Online] Architecton: Proceedings of Higher Education, No. 37. Available from: http://archvuz.ru/2012_1/2 (in Russian).
18. Foucault, M. (1996) What is Enlightenment? Problems of methodology, No. 1 – 2, p. 54. (in Russian).
19. Heidegger, M. (2002) Being and Time. Saint-Petersburg: Nauka. (In Russian).
20. Kapustin, P.V. (2010) The History of Design in Documents: Texts, Discussions, Opinions. Part 1. Voronezh: VGASU. (in Russian).
21. Popper, K.R. (1983) Logic and Growth of Scientific Knowledge. Moscow: Progress. (in Russian).
22. Heidegger, M. (1993) The Question of Technology. In: Heidegger M. Time and Being. Moscow: Republic, p. 221 - 238. (in Russian).
23. Branzi, A. (1989) Things and Buildings. Domus, No. 2, p. 17 - 24 (in Russian).
24. Baudrillard, J. (1995) System of Things. Moscow: Rudomino. (in Russian).
25. Barthes, R. (2000) Mythologies. Moscow: Sabashnikov Publishing. (in Russian).
26. Durand, G. (1996) Introduction to Mythology. Myths and Societies. Paris: Albin Michel. (in French).
27. Sazonov, B.V. (1974) Methodological Issues in the Development of the Theory and Methodology of Urban Planning. In: Development and Implementation of Automated Design Systems (Theory and Methodology). Moscow: Stroyizdat, p. 212 - 298 (in Russian).
28. Losev, A.F. (1990) Philosophy of the Name. Moscow: MSU Press. (In Russian).
29. Glazychev, V.L. (1986) The Evolution of Creativity in Architecture. Moscow: Stroyizdat. (in Russian).
30. Kapustin, P.V. (2007) The Term «Leonidovschina» and the Issue of Reality in Architecture and Design (Part I). [Online] Architecton: Proceedings of Higher Education, No. 20. Available from: http://archvuz.ru/2007_4/8 (In Russian).